

## РЕАЛЬНЫЙ МИР В ФАНТАСТИЧЕСКИХ ЗЕРКАЛАХ

Понимаю, я далеко не первый, когда утверждаю вот что: сейчас наблюдается расцвет фантастики. Особенно он заметен у нас, в СССР. Наблюдается и повышенный интерес к этому литературному жанру. В мире выходят массовыми тиражами сотни и сотни новых произведений научной фантастики, издаются сборники, журналы. Специальные конгрессы изучают проблемы взаимосвязи науки и художественного творчества. Особенно, характерна, повторяю, в этом отношении наша страна, первый строитель коммунистического общества. У нас как нигде на первый план выдвигаются социально-психологические, этические и философские проблемы. Эти проблемы весьма удачно решают писатели, которые используют фантастический замысел не для обоснования каких-либо гипотез, а в качестве литературного приема.

И вот наряду с этой серьезной и очень необходимой нашему обществу литературой приходится, к сожалению, видеть весьма ощутимый поток халтуры. Под видом современной фантастики в некоторых издательствах, учитывающих огромный читательский спрос, выходят серые произведения. Выходят толстыми томами и баснословными тиражами, развращая вкусы людей. Среди них порою тонет то, что достойно внимания. Что говорить, истинное произведение искусства — редкость, его не легко создать даже талантливому человеку. Плохое же пишется легче и быстрее, оно пробивает себе дорогу через издательские тернии...

Ниже я хочу остановиться на художественных и идейных достоинствах только двух научно-фантастических произведений. Оба они принадлежат перу известных и уважаемых писателей. Оба они вышли большими тиражами и привлекли к себе внимание читателей. Это повесть

Стругацких «Трудно быть богом» и роман Казанцева «Льды возвращаются». И если одно из них мне очень понравилось, то второе — крупно разочаровало.

Книги Стругацких и Казанцева очень разные и по сюжету и по художественному уровню, но их в общем-то объединяет одно. Оба писателя, используя фантастическое зеркало, делают попытку ответить на многие острые, современные вопросы. В одном случае попытка получилась удачной, в другом — нет...

### I.

«Должен вас предупредить вот о чем. Выполняя задание, вы будете при оружии для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах. Вы меня поняли?»

Эти слова Эрнеста Хемингуэя брата Стругацкие поставили эпиграфом к своему произведению.

Непонятно? — Да!

Но становится все понятным, когда прочтешь всю повесть, сюжет которой таков: в далеком будущем человечество Земли, объединенное, чрезвычайно могущественное и построившее гуманное коммунистическое общество, исследует иные планеты. На одной из планет обнаруживается достаточно высокая цивилизация, необычайно похожая на нашу в период средних веков. Ее начинают изучать историки, причем оригинальным путем. Земляне входят в контакт с инопланетянами таким образом, что они, инопланетяне, не подозревают об этом.

В центре романа — Актон, он же Румата Эсторский. Он как бы человек будущего, фантастическим образом попавший в 16-й век. Он всемогущий, ибо обладает всеми достижениями гипотетической земной цивилизации, всемогущий, как бог. Но ему и его товарищам категорически запрещено

применять оружие. Они посланцы института экспериментальной истории. Их задача—играть трудную роль, быть только наблюдателями.

Почему они только наблюдали? Почему им нельзя вмешиваться, истребить серых, перевоспитать инопланетян? Авторы тщательно исследуют все варианты вмешательства и приходят к выводу: нет, нельзя. Нельзя лишать человечество его истории.

В королевстве Арканар, которое изучает Антон, играющий роль Руматы Эсторского, постепенно к власти приходят серые. Культура на краю гибели. Историк, большой гуманист с Земли, с ужасом наблюдает, как «дон Рэба сознательно натравливает на ученых всю серость в королевстве. Все, что хоть немного поднимается над средним серым уровнем, оказывается под угрозой. Если ты умен, образован, сомневаешься, говоришь непривычное — просто не пьешь вина, наконец! — ты под угрозой. Любой... вправе затравить тебя хоть насмерть. Сотни и тысячи людей объявлены вне закона».

Как быть тут человеку, если он все это видит? Антон мучительно думает, вспоминает других историков. Вот один из них — «Стефан Ороловский, он же дон Капада; командир роты арбалетчиков его императорского величества, во время публичной пытки восемнадцати эсторских ведьм приказал своим солдатам открыть огонь по палачам, зарубил имперского судью и двух судебных приставов и был поднят на колья дворцовой охраной. Корчась в предсмертной муке, он кричал: «Вы же люди! Бейте их, бейте!»

Антон делает героические попытки спасти лучших ученых, поэтов, писателей королевства. Особенно он беспокоился о судьбе одного из них, о судьбе великого доктора Будаха. И спасает его, потому что волнуется прежде всего о судьбе Арканара, о культуре разумной цивилизации. Он — человек» из Коммунизма — твердо знает, что «никакое государство не может развиваться без науки — его уничтожат соседи. Без искусств и общей культуры государство теряет способность к самокритике, принимается поощрять

ошибочные тенденции, начинает ежесекундно порождать лицемеров и подонков, развивает в гражданах потребительство и самонадеянность», и, в конце концов, гибнет. Антон со скорбью смотрит на еще не совершенное средневековое человечество. И видел он, что «было в них что-то общее для пришельца с Земли. Наверное, то, что все они почти без исключения были еще не людьми в современном смысле слова, а заготовками, болванками, из которых только кровавые века истории выточат когда-нибудь настоящего гордого и свободного человека». Верил он, что придет, в конце концов, эпоха «гигантских социальных потрясений, сопровождающихся невиданным ранее развитием науки и связанным с этим широчайшим процессом интеллектуализации общества, эпоха, когда серость дает последние бои, по жестокости возвращающие человечество к средневековью, в этих боях она терпит поражение и уже в обществе, свободном от классового угнетения, исчезает как реальная сила навсегда».

Разговор Руматы с доктором Будахом является в произведении Стругацких центром, где смыкаются рассматриваемые авторами проблемы. Он аллегоричен и полон глубокого смысла. Будах, конечно, ничего не понимает. Он уверен, что перед ним милый, достаточно образованный и немного странный аристократ Румата Эсторский. Он снисходительно беседует с историком Антоном, утверждает, что зло неистребимо. Так, мол, устроил все бог, небесный ювелир!

Румата шутливо спрашивает Будаха: «Что, по-вашему, следовало бы сделать всемогущему, чтобы вы сказали: вот теперь мир добр и хорош?» И предлагает представить, что он якобы бог.

Будах отвечает: пусть всемогущий сделает так, чтобы «люди получили все и не отбирали друг у друга то, что он дал им».

«И это не пойдет людям на пользу, — вздохнул Румата, — ибо, когда получают они все даром, без трудов из рук моих, то

забудут труд, потеряют вкус к жизни и обратятся в моих домашних животных, которых я буду вынужден впредь кормить и одевать вечно.

— Не давай им всего сразу, — горячо сказал Будах, — давай понемногу, постепенно!

— Постепенно люди и сами возьмут все, что им понадобится.

Будах неловко засмеялся.

— Да, я вижу, это не так просто, — сказал он. — Я как-то не думал раньше о таких вещах... Кажется, мы с вами перебрали все. Впрочем, — он подался вперед, — есть еще одна возможность. Сделан так, чтобы больше всего люди любили труд и знание, чтобы труд и знание стали единственным смыслом их жизни!

Да, это мы тоже намеревались попробовать, подумал Румата. Массовая гипноиндукция, позитивная реморализация. Гипноизлучатели на трех экваториальных спутниках...

— Я мог бы сделать и это, — сказал он. — Но стоит ли лишать человечество его истории? Не будет ли это то же самое, что стереть это человечество с лица земли и создать на его месте новое?»

Уже из этого и других, приведенных выше отрывков ясно, что Стругацкие серьезные и вдумчивые писатели, для которых фантастические построения только предлог, способ ставить жгучие современные вопросы. Главный из них, как я уже говорил, это — трудно ли быть человеком? Да, трудно, говорят они. Богом быть гораздо легче, а вот человеком... И вместе с тем гуманистом, настоящим коммунистом быть — большая радость и честь!

Произведение Стругацких «Трудно быть богом», как мы видим, со сложной и большой идеей. В нем рассматривается тема подвига, подвига особого рода. Антон проходит через тяжелейшее нравственное испытание, которое требует от него мобилизации всех его душевных сил. Он действительно положительный герой нашего времени. Он — удача (впрочем, как и вся книга) Стругацких. Писатели с мастерством показали правду нашего мира и помогли нам осмыслить нечто большое и

сложное.

2.

А теперь настало время перейти к книге Казанцева. Из того, что я написал выше, читателям становится заранее ясно: далее пойдет «разное». Да, это так, чего скрывать!

Вначале я без всякого предубеждения раскрыл книгу Казанцева. Меня ничуть не смутили ее солидные габариты, как это, очевидно, не смутило издательство «Советская Россия». Я с интересом начал читать предисловие, под которым стояла странная подпись: «Художник Г.Г.Макаров», но вскоре разочаровался: слог мне показался несколько невнятным. Что роман этот — «памфлет, направленный против холодной войны», я готов был поверить. Но что означает фраза о героях этого романа, которых читатель якобы уже «видит, любит или ненавидит вместе с автором»?

Далее в книге следовало второе предисловие, написанное уже автором романа. Казанцев начал с заявления: «Фантазия — великая сила». И сообщал далее, что научные идеи романа — «недостовверны и не претендуют на предвидение», но он стремился «отразить реальный мир в фантастическом зеркале действительности». После этого автор заверил читателя, что в мире непременно восторжествует разум. Я с ним согласился и стал читать третье по счету предисловие, написанное, если я правильно понял, одной из героинь романа.

Наконец, на девятой странице, я добрался до самого романа.

И тут я понял, что взялся за весьма сложное дело. Автор рисовал арктический пейзаж вот на таком уровне: «Картина, словно вырванная из белых тысячелетий». Дальше шло краткое описание ледникового периода — «холодная стена льда, неотвратимая и безжалостная», движется на людей, и они, «хмуро оглядываясь», уходят «в жестких невыделанных шкурах, бородатые, сутулые, среди которых прекрасными были лишь женщины». Тут я опять задержался, потому что не понял того, как могут быть прекрасные женщины бородатыми и су-тулыми? Но я понял, что

пещерные люди «выжили, греясь у костров».

Далее Казанцев пишет: «Дерзкие их потомки восстали против этих сил». Я опять не понял, о каких именно силах идет речь, но потом оказалось: дело происходит в будущем, а там, как говорится, кто его знает, что может произойти? У Стругацких вон какое происходит, но меня ведь оно полностью убедило?

«Восстав против этих сил», дерзкие потомки пещерных людей «построили изо льда тысячекилометровую плотину, отгородили ею от Ледовитого океана узкую полоску воды, подогретую атомными реакциями установки, названной «Подводным солнцем». Вода нагрелась, «и ликующий человек стал плавать на кораблях вдоль северных берегов круглый год». Однако ликующий человек недолго плавал. Оказывается, природа затаилась, когда над ней торжествовал человек, и неожиданно нанесла удар. Она заглушила термоядерные реакции «подводного солнца». Затем я кое-что узнал об одной героине. Она очень «задумалась над своим будущим, в которое она ринулась очертя голову, не оглядываясь назад». Честно говоря, я еще не мог сказать о себе того, что автор сообщал о своем герое — капитане корабля: «Тревога была для него обычным состоянием». Но вот другая фраза, относящаяся к этому же герою, характеризовала, пожалуй, и мое настроение: «Он испытывал какое-то легкое щемящее беспокойство».

Беспокойный капитан вскоре погиб при извержении подводного вулкана. Я же хоть и остался жив, но не очень понимал что-либо, пробиваясь к финальной странице романа.

Чего только не было в романе! Я, право, не знал, чему отдать предпочтение: поразительным открытиям казанцевских физиков, которые то гасят Солнце (при помощи субстанции Б), то опять разогревают его (при помощи субстанции А), потрясающим эпизодам классовой борьбы в будущем или же сценам интимной жизни? Кстати, любовные сцены, сцены интимной жизни занимают чуть ли не половину романа.

Я внимательно прочел эти сцены, стараясь «видеть, любить и ненавидеть вместе с автором». Да, тут было и а что посмотреть! Вот, скажем, эксцентричная миллионерка Лиз Морган выходит замуж. По этому случаю Пятую Авеню в Нью-Йорке превращают в Венецию: ставят во всю длину улицы «склеенные в стыках резиновые ванны», наливают в них воду и пускают по воде гондолы с новобрачными и ряжеными. И вот здесь произошел весьма странный скандал.

Лиз Морган каким-то образом успела обнаружить за время этого увлекательного вояжа, что ее свежеспеченный супруг... Ну, как бы по-деликатнее выразиться? В общем, он не сможет нормально функционировать: он, оказывается, поранился обо что-то, когда в костюме марсианина ломал хребты забастовщикам.

События по этой линии развиваются ошеломительные. Лиз с ходу разводится с мужем. Тот из мести велит гангстерам похитить ее. Командует этим неудавшимся похищением некий Билл, который напоминал «чисто выбритую гориллу» и вместо левой руки имел «протез с железным крючком, который был очень опасен в драке, заменяя собой стилет». Ни атомные, взрывы, ни подводные вулканы, ни гаснущее солнце не мешали крайне интенсивной личной жизни героев романа. С Лиз Морган случилось столько всего, что хватило бы на два романа минимум. Но ее приключения все, же блекли по сравнению с ослепительной жизнью главной героини Елены Шаховской.

Приключения Елены подлинно неопишуты! Елена отправляется из США в СССР с очень сложной целью. Дело в том, что она имеет дедушку-князя, у которого, в свою очередь имеются «темные брови придворного красавца двойной кривизны, приподнятые у переносицы в обратном изгибе волны». Этот дедушка связал Елену с американской разведкой. Она едет в СССР якобы для помощи советским физикам, а на деле — для шпионажа. Но этого мало, она, оказывается, в душе коммунистка, но предпочитает действовать в одиночку, а поэтому все-таки будет

помогать советским физикам.

Она не только ведет тройную игру, но попутно что-то делает в области физики, а также напропалую кутит, устраивает брачную ночь в шалаше среди джунглей и чуть не умирает от лучевой болезни. Но вот Шаховская выздоровела и совершенно меняет внешность. Она становится в точности похожей на другую героиню — Люду Росову и выходит замуж за Роя Бредли, с которым когда-то провела ночь в шалаше и который к тому времени из журналиста превратился в крайне прогрессивного деятеля и стал президентом США...

Да, невесело было читать любовные сцены, сделанные на уровне предреволюционного бульварного чтива. Ведь именно оттуда взяты, напрокат все эти «призывно-открытые губы», «бесовские, сводящие с ума линии плеч, талии, бедер», «точены ноги», «миниатюрные ступни», «красивые обнаженные руки» и роковые тайные страсти. Конечно, Елена кое-чем отличается от героинь Вербицкой: она дерется, как полицейский, ругается, как извозчик, лихо пьет и метко стреляет, а о своих интимных вкусах сообщает: «Настоящий мужчина должен быть неаккуратным. И от него должно немного пахнуть козлом». Но все это ничуть не избавляет роман А. Казанцева от явной старомодности стиля и чувств.

Роман совсем не фантастический. Более того, он нехудожественный, во многом лишен здравого смысла. Такие книги причиняют немалый вред. Из-за своей полной художественной несостоятельности они компрометируют те благородные идеи, которым, видимо, хотят служить их авторы. Они внушают неопытному читателю (особенно — молодежи!) совершенно превратное понятие о научной фантастике, портят его вкус своей откровенной пошлостью и безвкусицей.

Итак, я прочитал две книги из серии современной фантастики, поделился с читателями альманаха своими впечатлениями и убедился, что реальный мир в фантастических зеркалах бывает

разный. В один веришь, один наводит на размышления и помогает жить, а второй... Во всем виновато, очевидно, зеркало. Не надо смотреть в кривое зеркало, даже если уверяют вас, что оно — фантастическое!